

31 мая 1982 г., № 124.

ПОВЕРИВШИЙ В СЛОВА ПРОСТЫЕ...

• К 90-летию со дня рождения К. Г. Паустовского

«С детских лет мне хотелось увидеть и испытать все, что только может увидеть и испытать человек», — вспоминал Паустовский на пороге своего 70-летия.

С этой-то детской жажды все увидеть и испытать и начинался писатель.

* * *

В гимназии учитель вызвал его и спросил:

— Вы хотите стать писателем?

— Да.

— А хватит ли у вас выносливости?

Он ушел тогда от этого мудрого учителя в недоумении: зачем писателю выносливость? Прошли годы и годы, потребовавшие от Паустовского выносливости подчас невероятной, прежде чем он все понял и согласился.

Ему хватило выносливости. И он стал писателем.

* * *

Отец у него был неисправимым романтиком. Однажды он сказал сыну:

— Ты увидишь в жизни очень много значительного и интересного, если сам будешь значителен и интересен.

И Паустовский запомнил эти слова на всю жизнь. И всю жизнь прожил в согласии с отцовским наказом.

Может быть, и в этом тоже — секрет его прозы...

* * *

Он всегда оставался рассказчиком — что бы ни писал. Вспомните в любую его крупную вещь — и вы увидите, что всякий раз это — череда рассказов, связанных общими героями да неким подобием сюжета. И что ни глава — то рассказ, и всякая глава легко живет отдельно...

Еще одна особенность его прозы — одухотворенность пейзажа. Не обоготворенный, а очеловеченный. У Паустовского пейзаж, природа — отнюдь не фон, призванный оттенить деяния героев, но — одно из главных действующих лиц.

* * *

В 1940 году Андрей Платонов написал рецензию на один из сборников Паустовского. Не принимая никакой романтической «выдумки», Платонов довольно едко отозвался обо всех почти рассказах книги — кроме одного. Но об этом одном он написал так:

«Настоящим художественным произведением в книге является «Вторая родина», рассказ о Мещерском крае. Это — есть собственная страна писателя, открытая им для себя и для нас и открывающая нам Паустовского как истинного художника. В этом рассказе есть простое течение природы, воссозданное Паустовским с такой воодушевляющей прелестью, которая лишь изредка удается художникам слова».

Как Левитан в живописи открыл русскую природу, так Паустовский в литературе от-

крыл Мещерский край. Ту же русскую природу запечатлел он в слове.

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ.

«Всем существом я понимал, что я неотделим от времени, от судьбы страны, от радостей, какие так редко испытывал мой народ, и от страданий, которые выпали на его долю с такой незаслуженной щедростью».

«Там до конца я понял, что значит любовь к своей земле, — писал о Мещере Паустовский, — что образность и волшебность (по словам Тургенева) русского языка неувловимым образом связаны с природой...»

Открытие Мещеры стало для Паустовского и творческим переломом. Он стал иначе писать — проще, сдержаннее, глубже. Понял «силу и поэзию самых неприятельных душ и самых как будто невзрачных вещей».

Вторая родина даровала писателю второе рождение.

Малая Мещера подарила миру большого писателя.

Низкий ей поклон:

«И сладко тосковать от ощущения своей полной родственности, своей близости этому дремучему краю. Там текут из болот прозрачные ключи, и невольно кажется, что каждый такой ключ — родник поэзии. И это действительно так».

Зачерпните в жестяную кружку воды из такого родника, сдуйте к краю красноватые листочки брусники и напейтесь воды, дающей молодость, свежесть, вечное очарование родной стороны».

Вот она — живая вода русской прозы.

* * *

Есть где-то у Паустовского, в каком-то из рассказов, упоминание о людях, наделенных удивительной способностью: возьмет такой человек бутон — и тут же у него в ладонях цветок распухнет — столько животного тепла в руках! Таким же фантастическим художническим «теплородом» было заряжено и перо писателя.

* * *

В «Повести о жизни» есть такой эпизод. В Пошехонье на пароход пришли на экскурсию школьники из глухой деревушки, им показали паровую машину. Дети — в восторге, а одна маленькая девочка даже спросила:

— А она может, что ль, взвиться под небеса, эта машина, ежели со всей силы крутануть за колесо?

— А ты попроси механика, — посоветовали ей. — Он крутанет, и мы улетим под самые тучи.

— Не! — ответила, подумав, девочка. — Не хочу. Я земная

Паустовский — сродни, пожалуй, этой своей девочке. Так же умел радоваться необычному, так же восторгался самой возможности крутануть — аж до небес! — колесо романтической мечты. Но — зачем ему к тучам, он земной.

В нем чудесно уживались — как в ребенке — романтик и реалист.

* * *

Как-то в разговоре с Паустовским Горький, вслушавшись пристально в своего молодого собеседника, спросил вдруг:

— Да вы кто — прозаик или поэт? — И сам же ответил:

— Пожалуй, поэт.

* * *

Паустовский очень любил вот эти строки из Павла Васильева:

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл
Поводырем по всей России
Ты сказку за руку водил...

Едва ли он сам воспринимал их применительно к себе. Но мы-то теперь можем... Да, о нем — и о нем тоже — эти строки.

О писателе земли русской, певце русской природы и русского человека.

Р. ДЕРИГЛАЗОВ.

НА СНИМКЕ: в рабочем кабинете писателя.

Фотохроника ТАСС.

